

Злобные становятся еще злобнее

У людей, служащих Цзин Вань, были несколько неприятные выражения лиц. Но Цзин Вань осталась равнодушной:

— У меня гостя, если ей что-то надо, пусть придет через некоторое время, — ее тон был безразличным, в нем не слышалось и капли вежливости.

— Но... — служанка все еще хотела что-то сказать.

— Что, гостя третьей цзеце настолько благородна, что эта мэймэй не может с ней встретиться? — Ло Цзин Ин в однотонном белом платье выглядела даже чуть-чуть элегантно. Она грациозно двигалась, входя в комнату, и нежно улыбалась.

Цзин Вань увидела множество людей, следующих за ней. Среди них была даже старушка, которая следила за воротами в ее двор. На данный момент она явно выглядела немного раздраженной, а ее одежда и волосы все растрепались. Цзин Вань даже не требовалось обдумывать это, чтобы понять, что она пыталась помешать Ло Цзин Ин, но та силой вошла со своими людьми.

Любой мог сказать, что с ее словами что-то не так. Хотя Сунь И Цзя была единственной законной дочерью в городской резиденции герцога Дина, у нее все еще имелась куча сестер от наложниц, не говоря уже о сестрах тан. Несмотря на то, что девушка владела самым респектабельным статусом, она все еще не могла выдержать людей, постоянно пытающихся лебезить, чтобы завоевать ее милость. Из-за этого отношения с ними были примерно такими же, как и с незнакомцами. Хотя Сунь И Цзя редко занималась этими вопросами, она все еще осознавала, насколько они утомительны. Однако, поскольку дело касалось семейных дел Вань меймей, герцогская дочь просто молча сидела в сторонке, но ее лицо снова приняло свое обычное холодное и отрешенное выражение.

— Дело не в том, что ты не можешь с ней встретиться, скорее, я не хочу, чтобы ты с ней встречалась, вот и все.

Улыбка на лице Ло Цзин Ин стала напряженной. Она не ожидала, что перед посторонними Ло Цзин Вань все еще будет такой прямолинейной:

— Третья цзеце, от этих слов у мэймэй болит сердце.

— Если твое сердце болит, найди врача, чтобы он прописал тебе какое-нибудь лекарство. У меня тут нет таких.

Сунь И Цзя чуть не рассмеялась, но быстро прикрыла рот платком. Оказывается, даже у такого добродушного человека, как Вань меймей, бывают времена, когда она остра на язык.

Ло Цзин Ин как мантру повторяла про себя, что ей нужно говорить спокойно, и слова матери снова и снова звучали в ее голове. Но мать просто не знала, что именно Ло Цзин Вань не играла по правилам. Вы хотите поддерживать с ней "мирные отношения", но она никогда не сотрудничает. Ее совершенно не волновали слова, которые другие не скажут из опасений. Цзин Вань частенько просто била ножом прямым в сердце. Независимо от того, насколько хорош характер у человека, он все равно разозлится, не говоря уже о ком-то вроде нее, Ло Цзин Ин, чей темперамент далек от уравновешенного.

— Третья цзецзе, не злись, эта мэймэй просто восхищается способностями и эрудицией барышни Сунь, но у меня не было возможности подружиться с ней. Сегодня я узнала, что барышня Сунь приехала в нашу резиденцию, чтобы найти третью цзецзе, и не смогла подавить свое тоскующее сердце. И именно поэтому я бесстыдно пришла, — когда девушка повернулась, чтобы посмотреть на Сунь И Цзя, взгляд ее стал страстным, а манеры — образцовыми, пока она рассыпалась в приветствиях.

Сунь И Цзя кивнула:

— Барышня Ло перехваливает, мои таланты — тривиальны и незначительны. Скорее, живая и изящная поэзия барышни Ло написана просто превосходно, — вот почему, даже если герцогская дочь холодная и отчужденная, нельзя недооценивать ее способности общаться с людьми. Даже если в столичных кругах И Цзя лишь один или два раза встречала тех благородных дочерей, что не дотягивали до ее уровня, она все еще была в состоянии запомнить их и их таланты в определенных аспектах.

И, конечно же, Ло Цзин Ин изобразила приятное удивление:

— Барышня Сунь видела мои стихи раньше? — даже попытайся четвертая барышня скромно улыбнуться, она все равно не смогла бы скрыть свой довольный взгляд. — Я разбираюсь только в поэзии и не могу сравниться с барышней Сунь, освоившей четыре занятия ученого [1]. Кстати говоря, третья цзецзе не хуже в этих аспектах. Ведь бабушка больше всего ее любит. В Циань Фу она, должно быть, наняла мастеров, чтобы они учили третью сестру. Если она так хорошо поладила с барышней Сунь, то, посотрудничай вы какое-то время, возможно, получится какая-нибудь прекрасная история.

— О, тогда мне действительно придется тебя разочаровать. Не то чтобы четвертая мэймэй не была в курсе, что я просто обычный человек. Я даже столько громких слов не знаю, поэтому, естественно, не могу играть с этими элегантными вещами.

Именно из-за этого Ло Цзин Ин всегда мечтала разорвать ей рот. Очевидно, это были такие неловкие слова, но она всегда могла сказать их с полным безразличием, равнодушно и спокойно. Изначально это Цзин Вань не должна находить себе места от стыда, но, судя по ее разговорам, эти вещи явно являлись для нее какими-то банальностями. Дело не в том, что врагиня не могла, она просто не хотела учиться.

— Третьей цзецзе вовсе не обязательно вести себя так скромно.

— Перед четвертой мэймэй эта цзеце никогда не умела писать слово "скромный".

Цзин Вань не была резким человеком, но когда она вела себя жестко, ее действия убивали наповал, причем с особой жестокостью. Независимо от того, насколько вы умелы или уравновешенны, она все же могла без усилий позволить вам подавиться своими словами, да так, что вы еще долго не сможете ничего сказать. Однако до сих пор она жестоко относилась только к одной Ло Цзин Ин.

— Эта мэймэй просто хотела сблизиться с третьей цзеце, почему ты каждый раз так ранишь?
— Ло Цзин Ин слегка прикусила губы, приняв жалостливый вид. Все ее слова и поступки отражали, насколько мерзкой была Цзин Вань.

— Наши восемь циклических знаков не совпадают. Так было с самого детства, ты уже давно должна к этому привыкнуть. Точно зная, что я издеваюсь над тобой каждый раз, ты все равно не понимаешь, что надо держаться подальше, и бегаешь ко мне каждые несколько дней. Знающие, естественно, посчитают, что четвертая мэймэй во всем хороша, а эта цзеце бездарна, раз ведет себя неприемлемо и высокомерно. А те, кто не знают, подумают, что четвертой мэймэй чего-то не хватает, и ты чувствуешь себя неловко, если я над тобой не издеваюсь.

Ло Цзин Ин смертельно побледнела, но, что совсем не удивительно, даже так она все еще не уходила. С точки зрения Сунь И Цзя, это было практически идеальным подтверждением слов Цзин Вань. Сунь И Цзя смотрела на Ло Цзин Ин как на диковинку, словно говоря: "В этом мире существуют и такие люди?!" Однако, когда она перевела взгляд на Цзин Вань, в ее глазах появилось невольное уважение. Вот значит как. С людьми, которые тебе не нравятся, ты можешь быть и такой. Да, в следующий раз я попробую сделать так же дома.

У Цзин Вань не было слов. Кажется, она нечаянно научила прекрасную благородную дочь чему-то плохому.

Неудобнее всего по-прежнему себя чувствовала Ло Цзин Ин. Очевидно, это была вина Ло Цзин Вань, но Сунь И Цзя не видела ее мерзости и подлости и даже воспринимала ее слова как истину в последней инстанции. Как и ожидалось. Какая еще холодная и отчужденная красавица? Какой такой цветок с высоких вершин? Это тоже не более чем видимость! Внутри она на самом деле такая же дешевая тварюшка, как и Ло Цзин Вань, умело играющая, чтобы обмануть всех. Четвертая барышня должна позволить миру увидеть, какие гнилые личности у них обеих. Ло Цзин Ин подсознательно затаила обиду и на Сунь И Цзя. Настанет день, когда она прикажет этим птицам высокого полета, этим благородным дочерям встать на колени у ее ног.

Ло Цзин Ин знала, что если продолжит говорить, униженной будет только она сама, поэтому решила закрыть рот. Цзин Вань и Сунь И Цзя тоже больше не беспокоились о ней. Если она не хотела уходить, то они просто сделают вид, что ее тут нет. Поскольку Сунь И Цзя было несколько неудобно активно двигаться, они просто тихо и мирно разговаривали.

— Барышня, нехорошо, у Бай иньян случился выкидыш, и она кричит, что фужэнь причинила ей вред. Фужэнь хочет, чтобы вы пришли... — внезапный громкий крик разрушил это спокойствие.

Даже Сунь И Цзя в данный момент чувствовала себя несколько неловко. Такого рода скандальный вопрос достиг ушей юной барышни, и ей даже позволят пойти посмотреть на это, что за вздор? О каких правилах еще может идти речь? Это заставит только еще больше заподозрить, что весь внутренний двор этой семьи такой. Если это просочится наружу, кто бы еще осмелился позволить своим дочерям дружить с дочерьми этой семьи? Что будет, если их собьют с пути истинного?

Более того, эта старая служанка пришла не снаружи, а через боковые ворота Дома Цветущих яблонь. Вообще говоря, с такой планировкой все понимали, что другая сторона определенно связана с внутренним двором кого-то близкого. С кем именно, даже не стоило и говорить. И слова этой старухи были смачной оплеухой.

Ло Цзин Ин прикрыла рот, выглядя необычайно шокированной. Затем, снова взглянув на Сунь И Цзя, она надела маску под кодовым названием: "слишком стыдно, чтобы показываться на людях", как будто услышанное испачкало ей уши:

— Барышня Сунь, очень жаль, никогда не думала, что...

Цзин Вань скользнула по ней взглядом, все еще равнодушная, но Ло Цзин Ин почувствовала тревогу и страх, бессознательно закрыв рот. Даже воодушевление от радости по поводу чужой беды и злорадное удовлетворение от того, что Цзин Вань потеряла лицо, быстро исчезли.

— Мать обычно ни о чем не беспокоится, поэтому, вероятно, даже не знает, что в ее собственном дворе есть кто-то, настолько несведущий в правилах. Момо, возьми эту старуху и преподай ей урок, — голос Цзин Вань звучал глухо.

Эта старая служанка немедленно закричала. С того момента, как она появилась и начала бездумно выкрикивать эти слова, Гун момо уже была готова. Две выполнявших грубую работу служанки немедленно вышли вперед, заткнули ей рот и вытащили наружу. Гун момо тоже последовала за ними.

Затем Цзин Вань снова посмотрела на Ло Цзин Ин:

— Поскольку ты уже достигла своей цели, можешь потеряться прямо сейчас.

— О чем говорит третья цзецзе? Я здесь только из-за барышни Сунь...

— Ло Цзин Ин, когда ты сможешь своей ложью обмануть себя саму, можешь прийти и обмануть меня. Третья шэнь учила тебя много лет, но жаль, что ты до сих пор не уяснила ее

наставлений. Она, наверное, очень разочарована в тебе, верно? Она знает, что ты пришла ко мне? Если да, то я ее переоценила. Но если нет, когда ты вернешься, тебя, вероятно, накажут, заставив постоять на коленях, — небрежно сказала Цзин Вань.

[1] четыре занятия ученого — игра на цине, ци, каллиграфия, живопись

<http://tl.rulate.ru/book/19909/765507>